

УДК 9
ББК 63.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Ботикова Виталия Андреевна

Аспирант.

Воронежский государственный аграрный
университет им. императора Петра I
[г. Воронеж].

E-mail: vbotikovaa@inbox.ru

Botikova V. A.

Graduate student.

Voronezh State Agricultural University.
[Voronezh].

Аннотация: *Статья посвящена деятельности российской военно-морской разведки в Османской империи во второй половине XIX — начале XX века. После поражения в Крымской войне Россия создала институт военно-морских агентов для сбора информации о турецком флоте, укреплениях проливов и военно-политической ситуации. Основное внимание уделяется деятельности военно-морских агентов, собиравших информацию о турецком флоте, состоянии проливов и военно-техническом сотрудничестве Турции с европейскими державами. Рассматривается влияние разведданных на военное планирование и дипломатию России в условиях усиления германского присутствия в регионе.*

Ключевые слова: *США, военно-морская разведка, Османская империя, Российская империя, военные агенты, Черноморские проливы, геополитическое противостояние, Крымская война, стратегическая безопасность.*

RUSSIAN NAVAL INTELLIGENCE ACTIVITIES IN THE OTTOMAN EMPIRE (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract: *This article examines the activities of Russian naval intelligence in the Ottoman Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries. Following its defeat in the Crimean War, Russia established a naval intelligence agency to gather information on the Turkish fleet, strait fortifications, and the military-political situation. The article focuses on the activities of naval agents who collected information on the Turkish fleet, the state of the straits, and Turkey's military-technical cooperation with European powers. It also examines the impact of this intelligence on Russian military planning and diplomacy amid the growing German presence in the region.*

Key words: *Naval intelligence, Ottoman Empire, Russian Empire, military agents, Black Sea Straits, geopolitical confrontation, Crimean War, strategic security.*

В 1856 г. в результате позорного поражения в Крымской войне (1853-1856 гг.) перед Российской империей встала задача модернизации флота. Война выявила критическое отставание России в области парового судостроения, что привело к его противостоянию с качественно превосходящими силами англо-французской коалиции. Именно необходимость преодолеть техническое отставание русского флота приводит к созданию поста военно-морского агента, первоначально только в Англии и Франции [1].

Поражение в Крымской кампании привело к системному кризису российских позиций в черноморском регионе. Суверенитет над судоходством по Дунаю де-факто перешёл к Австрийской империи, в то время как контроль над дунайскими гирлами сохранила Османская империя. Оборона протяжённой черноморской береговой линии от западных до восточных границ стала невозможной.

Вследствие этого, геостратегическое и экономическое положение России на юге, с её незащищёнными портами, игравшими ключевую роль в экспорте зерна и промышленной продукции в Европу, оказалось крайне уязвимым как в военном, так и в торгово-экономическом аспектах [2].

Кабальные условия Парижского мирного договора 1856 года законодательно закрепили эту зависимость, жёстко лимитировав военно-морские силы на Чёрном море символической квотой: 6 винтовых корветов, 9 транспортов и 4 колёсных парохода.

Характерно, что из десяти военных конфликтов между Россией и Османской империей в период с 1678 по 1917 год лишь три завершились победой османов, одной из которых стала Крымская война. Во многом это обусловлено тем, что Турция находилась в союзе с Великобританией, Францией и Сардинским королевством. Без этого военно-политического альянса Османская империя, по всей вероятности, была бы поглощена Российской империей [3]. Однако переговоры в Лондоне, Париже и Константинополе приняли иной курс, а поражения на море лишь усугубило ситуацию.

Окончание Крымской войны ознаменовало и новый этап в российско-османских отношениях, характеризующийся созданием системы постоянного военного представительства. Её важной частью стало назначение военных агентов, чьи кандидатуры проходили обязательное согласование в МИДе, впоследствии система дополнилась назначением военно-морских агентов. Координировал их деятельность российский посол [2].

Возникший институт выполнял критически важную разведывательно-аналитическую функцию, став для российского Генерального штаба основным источником достоверных и подробных оперативных данных о ситуации в различных провинциях Османской империи.

Интересно отметить, что институт военных представителей за рубежом, включавший специалистов сухопутных и военно-морских сил, имел различную терминологию.

В международной дипломатической практике со времени возникновения соответствующих институтов закрепился обобщающий термин «военный атташе». В Российской империи для

обозначения данных представителей сухопутного ведомства использовалось наименование «военный агент», а морского — «военно-морской агент». Однако в официальной переписке с иностранными государствами применялись общепринятые международные понятия. После возрождения института военных представителей в РСФСР и СССР по окончании Гражданской войны произошла унификация и упрощение терминологии: понятия «военный агент» и «военно-морской агент» были официально заменены на единый термин «военный атташе» (англ. *military attaché*) [1].

Деятельность русской военной и военно-морской разведки в Османской империи во второй половине XIX – начале XX века представляла собой важнейший инструмент обеспечения стратегических интересов и национальной безопасности Российской империи на её южном направлении. Её исключительная значимость была обусловлена перманентной геополитической конфронтацией и комплексом военно-политических задач, сфокусированных на решении «восточного вопроса» и проблеме контроля над Черноморскими проливами. В условиях технологической революции в военном деле и стремительного изменения баланса сил разведывательные органы России эволюционировали от эпизодического сбора сведений к созданию профессиональных институтов.

Важнейшей функцией разведки было обеспечение русского командования детальной и достоверной информацией, необходимой для военного планирования. Военно-морские агенты скрупулёзно отслеживали программы строительства и модернизации турецкого флота, закупки кораблей в Европе, а также фиксировали малейшие изменения в системе обороны Босфора и Дарданелл: от установки новых батарей до постановки мин и развёртывания средств связи.

Сухопутные и морские военные агенты сосредотачивались на дислокации, организации и боевом духе турецких войск, особенно в приграничных с Россией регионах, а также анализировали внутривосточную ситуацию в империи, отслеживая признаки её ослабления и рост влияния третьих держав, в частности Британской империи.

Совпадение стратегических интересов Великобритании и Османской империи в противодействии российской экспансии оставалось устойчивым фактором международных отношений на протяжении десятилетий, проявляясь не только в период Крымской войны, но и в последующие десятилетия. Так как Турция стала одной из арен «Большой игры» деятельность российских агентов обрела особую важность [4].

Однако на рубеже столетий внешнеполитический курс Османской империи претерпел фундаментальную трансформацию, и её основным стратегическим партнёром стала Германия. Это сближение было вызвано стремительным ростом военно-промышленного потенциала кайзеровского рейха, который вышел в авангард технологического прогресса. Немецкие достижения в кораблестроении, создании новых видов вооружений и перспективных отраслях, таких как морская авиация, сочетались с активной дипломатией, предлагавшей Турции не просто военное сотрудничество, а комплексную программу модернизации, что в итоге переориентировало

Стамбул из сферы британского влияния в орбиту германских интересов [4].

Ключевым эпизодом в углублении германо-турецкого военного альянса стало подписание в июле 1900 года контракта между османским правительством и фирмой Круппа. Соглашение предусматривало поставку в Турцию новейших крепостных орудий для модернизации обороны Босфора, а также корабельной артиллерии для усиления флота. Этот чисто коммерческий акт имел далекоидущие политические последствия, демонстрируя переход Стамбула к системным закупкам критических военных технологий о в Германии [5].

Однако подлинную тревогу в российских военных и дипломатических кругах вызвала поступившая из Берлина секретная информация о стратегических замыслах кайзера Вильгельма II, предполагавших не только поставки оружия, но и реализацию грандиозного инфраструктурно-оборонительного проекта – строительства постоянного моста через Босфор, на котором планировалось разместить мощные артиллерийские батареи, развёрнутые в сторону российских черноморских вод [6].

Подобный проект, даже если он оставался на стадии обсуждения, символизировал не просто германское проникновение, а намерение превратить ключевую для России морскую коммуникацию в постоянный укреплённый барьер под германским контролем, что катализировало обострение стратегического соперничества в преддверии мирового конфликта.

Собранные разведкой материалы ложились в основу ключевых государственных решений: они служили для разработки и корректировки планов войны, включая операции по захвату Проливов, обосновывали необходимость масштабных ассигнований на развитие Черноморского флота и давали дипломатии весомые аргументы для политического давления.

Ярким свидетельством эффективности стали аналитические доклады таких агентов, как капитан 2-го ранга А.Н. Щеглов, который накануне Первой мировой войны не только в точности фиксировал военные приготовления младотурок и их германских покровителей, но и давал безошибочные прогнозы о неизбежности конфликта и необходимости срочного наращивания российских морских сил [4].

Однако исторический парадокс заключался в том, что, несмотря на высокое качество и своевременность разведывательных данных, высшее политическое руководство империи зачастую проявляло нерешительность, упуская возможности для превентивных действий, что в конечном итоге повысило цену вступления в войну и тяжесть её ведения на Черноморском театре.

Деятельность российской военно-морской разведки в Османской империи во второй половине XIX – начале XX века являлась краеугольным камнем в обеспечении безопасности и защиты суверенитета Российской империи на её южном стратегическом направлении. Значимость этой работы определялась критической зависимостью экономики и обороны страны от статуса Черноморских проливов. Именно военно-морские агенты обеспечивали Петербург непрерывным потоком информации, позволявшим не только оценивать текущие риски, но и прогнозировать развитие угроз.

Фактически, институт военно-морских агентов стал главным инструментом превентивного обеспечения безопасности. Их донесения о строительстве и закупках турецких кораблей в Европе, об укреплении береговых батарей, о планах минных заграждений и о масштабах военно-технического проникновения Германии, превращались в основу для адекватного военного планирования и дипломатических демаршей.

Благодаря работе таких агентов, как А.Н. Щеглов, российское командование располагало не просто разрозненными фактами, а целостной аналитической картиной, раскрывавшей истинные намерения Порты и её покровителей.

Таким образом, военно-морская разведка выполняла роль незаменимого стабилизатора в крайне неустойчивых двусторонних отношениях. Она минимизировала риски стратегической внезапности, предоставляя время и данные для принятия взвешенных решений, и являлась тем барьером, который препятствовал превращению Османской империи из традиционного геополитического противника в абсолютно неуправляемую и катастрофическую угрозу под полным внешним контролем. В этом контексте эффективность работы агентов напрямую коррелировала с уровнем национальной безопасности, а качество их аналитики было одним из ключевых условий сохранения российского суверенитета в Черноморском регионе.

Рис. 1. Константинополь в XIX в.

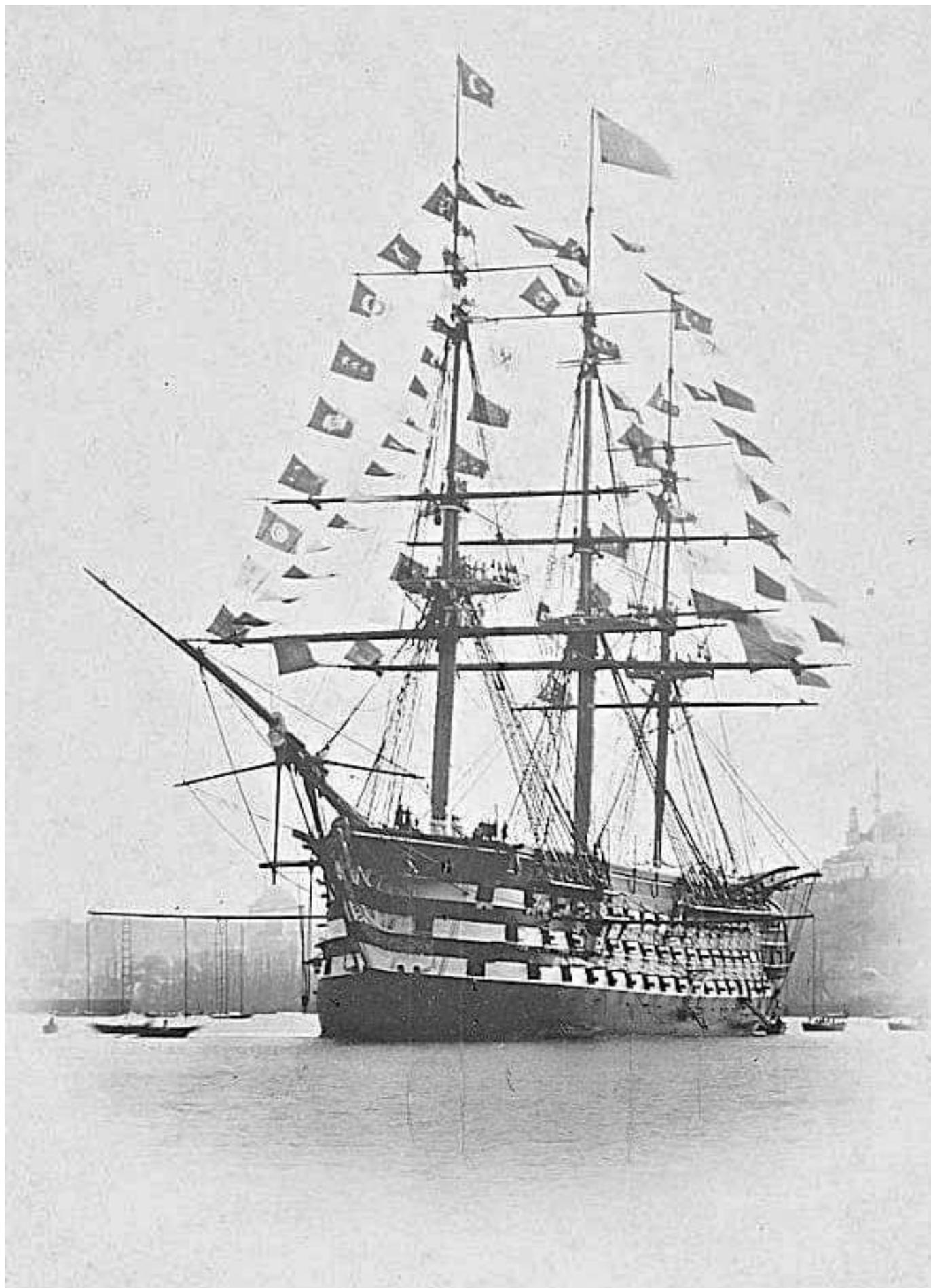

Рис. 2. «Махмудие» - самый большой корабль в мире на момент завершения строительства в 1820-е гг. Участвовал в осаде Севастополя и русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Рис. 3. А.Н. Щеглов, с 1909 г. военно-морской агент России в Турции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емелин А.Ю. Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов: 1856 – 1918: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история / Емелин, Алексей Юрьевич. Санкт-Петербургский институт истории. – СПб., 2007. – 23 с.
2. Гребенщикова Г.А. Канун Великой Освободительной войны // ВИЖ. – 2018. – №3. – С. 11 – 19.
3. Хьюз Б. Стамбул сказка о трёх городах / Б.Хьюз. – Москва : Бомбора, Эксмо, 2019. – 797 с.
4. Гребенщикова Г. А. Германо-турецкое военно-политическое сотрудничество в начале XX века и позиция России / Г.А. Гребенщикова // Петербургский исторический журнал. – 2021. – №1 (29). – С. 260 – 281.
5. Рыбачёнок И. С. Закат великой державы: внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв.: цели, задачи и методы / И. С. Рыбачёнок ; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. - Москва : РОССПЭН, 2012. – 581 с.
6. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. - 2-е изд., доп. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 608 с.

REFERENCES

1. Emelin A. Yu. Naval Agents of Russia: The Evolution of the Institute, Its Tasks, and Methods: 1856–1918: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences: 07.00.02 – Russian History / Emelin, Aleksey Yuryevich. St. Petersburg Institute of History. – St. Petersburg, 2007. – 23 p.
2. Grebenschikova G. A. The Eve of the Great Liberation War // VIZH. – 2018. – No. 3. – pp. 11–19.
3. Hughes B. Istanbul: A Tale of Three Cities / B. Hughes. – Moscow: Bombora, Eksmo, 2019. – 797 p.
4. Grebenschikova G. A. German-Turkish military-political cooperation at the beginning of the 20th century and Russia's position / G. A. Grebenschikova // Petersburg Historical Journal. - 2021. - No. 1 (29). - Pp. 260 - 281.
5. Rybachenok I. S. The decline of a great power: Russia's foreign policy at the turn of the 19th-20th centuries: goals, objectives and methods / I. S. Rybachenok; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. - Moscow: ROSSPEN, 2012. - 581 p.
6. Yerusalimsky A. S. Foreign policy and diplomacy of German imperialism at the end of the 19th century. - 2nd ed., suppl. - Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1951. - 608 p.